

Николай
КРЮЧКОВ:

«МНЕ ИНТЕРЕСНО, ЧТО СКАЖУТ...»

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Николай Крючков — артист из нескончаемого киносеанса, где зрительным залом стала целая страна. Он говорит: «...а ста восьми фильмах я снимался. В ста восьми — и если каждый хотя бы миллион зрителей собрал... Но ведь побольше, наверное, собралось?»

Не менее полутора десятков лучших фильмов Крюčkова так или иначе не выходят из прокатного оборота кинематографа и телевидения. Но мы к тому привыкли — и никого больше не удивляет мистика одновременного существования знаменитого артиста в нашей жизни во всех возрастных его ипостасях. Не надо особой фантазии, чтобы вообразить себе обыкновенный день современного телезрителя, на протяжении которого он имел возможность лицезреть молодого, зрелого и сегодняшнего Николая Афанасьевича.

Непрекращающийся фестиваль Актера. В буднях крющковской славы переплывались все возможные. Поймите: в буднях... славы? Что-то в этом послышалось... Точное, мне кажется, верное. Отражающее сходство, я бы сказал. Кажущееся, в первый момент, нелогичным сочетание, как нельзя, по-моему, логичнее формулирует всю жизнь Крюčkова в киноискусстве — особенность этой жизни и особенность характера Николая Афанасьевича, на каждого из ста с лишним персонажей спроецированного, как луч аппарата на экран. И для высшего замысла жизни артиста опять же вполне логично, что иные из персонажей стали едва ли не популярнее самого исполнителя и с экрана перешагнули в фольклорное истолкование, продолжение, смешались с толпой, расходящейся после киносеанса, не затерявшись в ней. Крючков в свое время в таких фильмах снимался, что смотрелся по множеству раз подряд и невольно наизусть заучивались — и еще мы эти фильмы с необъяснимой теперь увлеченностью друг другу пересказывали: дополнительный эффект, конечно, никакими цифрами проката не учтенный.

И пора бы сказать, что вся страна не столько на Крюčkова смотрела, сколько на себя в его исполнении. Представляя своих персонажей, в них превращаясь и превращая их же в себя, он всю страну нашу, собственно, и сыграл. И есть резон отнести к нему как к суверенной актерской державе. В гербе которой — неременная (и такая редкая сегодня в нашей жизни) улыбка. И не та только знаменитая, экранная, белозубая (из аншлаговых фильмов тридцатых—сороковых годов), за которой — и в огонь, и в воду, и на край света... Но и та, невидимая зрителю, однако во всем, что делает Крючков, всеми ощущаемая, — та, с которой, по свидетельству жены, с ним тридцать лет прожившей, он непременно просыпается по утрам.

За два часа, проведенных у Николая Афанасьевича в прошлый четверг, я окончательно понял то, о чем начал подозревать много раньше.

Признаюсь: для заметок о Крюčkове мне не требовалось специальных штудий. В семидесятые годы я учился на кинематографических курсах — и уж Крюčkова-то мы, разумеется, «проходили». Мы все самые знаменитые из фильмов его еще раз посмотрели в сопровождении толковых лекций лучших киноведов.

Мы видели «Окраину» Бориса Барнета — ранний фильм Крюčkова, сразу и навсегда утвердивший его в мировой актерской элите. И как «люди кино» склонны были именно на этой выдающейся работе сосредоточить «просвещенное» курсами внимание. К фильму же «Трактористы», неизмеримо более популярному в нашей стране, мы, не скрою, относились уже иронически, забыв про свои детские от него восторги.

Но чем старше я становлюсь, чем отчетливее для меня, что с иронией наибольший резон относиться к себе — особенно, к себе — «прогрессисту». Я не убежден, что многие из нас наилучшим образом распорядились пролонгированным нам «оттепельным» временем и разрешенным свободомыслием. И есть, наверное, смысл задуматься сегодня, почему же предлагаемое многим из нас не задевает зрительный зал, как задевали те же «Трактористы»?

И стоит ли относиться свысока к тому, что талантливые сделали те художники, которых полагаем мы «крепостными». К стати, ведь и в музее творчества крепостных не о крепостном праве думаешь, а искусством, талантом заворочен.

Пожоже, что прогрессивность взглядов не освобождает от необходимости быть талантливым — вольнодумство, к сожалению, не заменяет способностей.

«Сталин мне сказал», — без пафоса без всякого, никак этот факт не акцентируя, говорит Крючков, — что после «Трактористов», после моего Клима Яркого сотня тысяч молодых людей устремились на работу в село. Я тоже считаю: фильм должен мобилизовать...».

ПРОФИЛЬ КУМИРА

Я готов, пожалуйста, и поспорить с этим тезисом. Только не чувствую за собой никакого права спорить с артистом, сумевшим в положительной (почти плакатной по исходному, сценарному материалу) роли не быть, выражаясь по-актерски, «переигранным» великими Алейниковым и Андреевым, исполнившими в «Трактористах» выигрышные отрицательные роли. Кто, кроме Николая Крюčkова (с его проникающим обаянием), был еще способен на подобное тогда и кто, подскажите, способен на это сегодня?

И все же, когда суммирую я долгосрочные свои зрительские впечатления от Николая Афанасьевича, возвращаюсь ко времени учебы на курсах не для воспоминаний о лекциях о нем или даже сценах из его фильмов, нам демонстрируемых по «программе». Я вспоминаю скорее и чаще совсем другие сцены — сцены, разыгрываемые им в Театре киноактера, где располагались наши курсы, сцены, развертывающиеся не на подмостках, а в буфете, куда забегал я в паузах между занятиями, но на уроки уже

не возвращался, если заставал там Крюčkова.

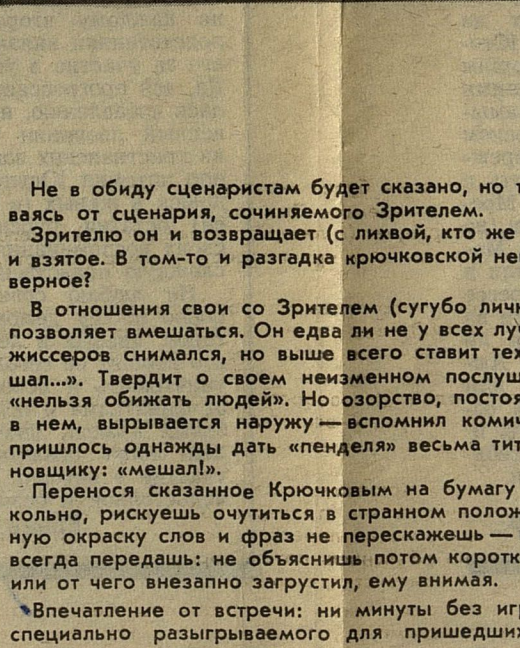
Правда, я мог слышать и наблюдать его лишь на расстоянии — к столу, облепленному «коллегам» Крюčkова, невозможно было протолкнуться, хотя подойти без приглашения мог каждый. Ни на мгновение не сомневаюсь, что любому «лишнему человеку» Николай Афанасьевич был бы только рад, что рассказываемое им не предназначалось исключительно «своим». Вернее, правда, будет сказать, что «своими» артист привык считать не только тех, кто хоть однажды («однажды», само собою, гипербола в духе Крюčkова) видел его, но и тех, кому предстоит увидеть еще не сыгранную им роль...

Но я не о естественном желании всякого истинного актера — завербовать в свои зрители, изыскивая высокопарно, человечество, спешу сказать, делаясь наблюдаемым. Я — о готовности Крюčkова принадлежать зрителю без антрактов. О том захватывающем предствлении, которое несет он в себе всегда и для всех. С непроходящей жаждой тратить себя каждый раз без остатка. Притом, что не было и нет в нем ни тени усталости, которая свойственна сегодняшним людям успеха. И как не задуматься: а не в безудержности ли трат, вытенировавших, закаливших актерскую психику, «накопил» он себя — и Крюčkова в Крючкова не на один еще десяток фильмов хватит?

И надо ли добавлять, что именно Крюčkова больше всего в Крючкова и что Крючкова в Крючкова — самое в нем для нас интересное?

«Мне интересно, что скажут, а ей — что закричат...» Реплика крющковская ни на какие обобщения не претендовала. Это мы в начале беседы, как водится, поворачивали на молодежь за страсть ее к рок-музыке — и Николай Афанасьевич на Катерину, внучку тринадцатилетнюю пожаловался. Но мне брошенное им вскользь замечание запомнилось как обращенное к сути своей художнической.

Крючков не из тех, кто упивается собой, рассказывая, — и ничего вокруг себя не замечает, не слышит ничего. Токи, исходящие от аудитории, пронизывают его независимо: битком ли набитый зал перед ним или один-единственный собеседник. Он и сам — талантливый зритель, выдающийся слушатель. Громадное множество забавных историй, уморительных анекдотов, остроумных шуток, метких выражений впитаны из миллионов встреч и разговоров. Миллионы жизненных впечатлений проросли в нем характерами на экране, обнаружившими в увиденном-услышанном родственные его индивидуальности черты.

ская — его жизнь. Жизнь и раск... в игре, где все неподдельно, вс... но.

«...Сто восемь фильмов... А ни... ребята. Я двести пятьдесят рубл... ребята...»

Он что же нас бедствиями сво... ничего подобного: он деликатн... ния парадного, праздничного п... му другому (он в том уверен) н... Он знает, что в этой жизни н... не случайно же так уютно ему...

Вроде бы печальная подробн... под каким соусом? На недав... стоять под дождем, а носков... Крюčkова ноги большие, дважд... милиционер у себя в машине... разболелся Николай Афанасьев... да» у нас на условия, пристойны... нечно, зряд лч может. Но люб... А что в итоге — главнее?

У советской «звезды» кино... В сорок пятом году на съемках... градом пожаловала иноземная... ска Гааль. Чем было нам ее во...

роли летчика Булочкина Никол... приземлился на ПО-2, чтобы п... нос свой задирала.

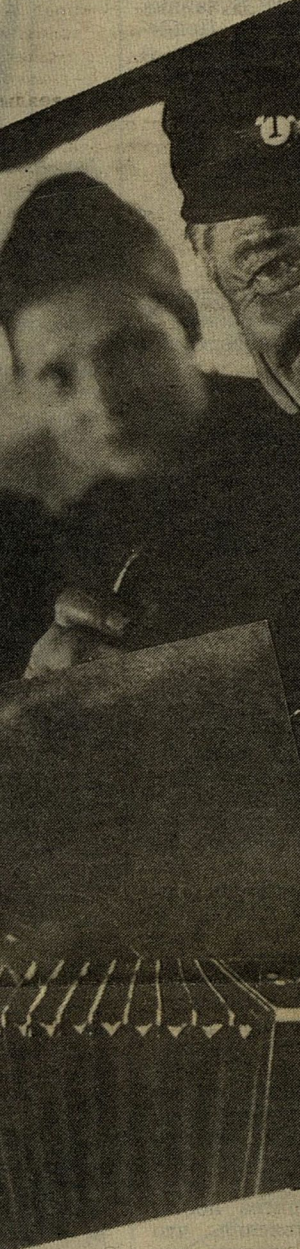
Бросил наконец корреспонден... мается в фильме по произв... Толстого «Князь Серебряный»... лась тема экранизации класси... ве в полный голос, когда спр... шивать, когда можно приклеи... бороды перед наклеенной с та... жесты и фразы персонаж из ф...

И тут же байка последовал...

Б КУМИРА

с этим тезисом. Только не спорить с артистом, сумевшим по-исходному, сценарно-по-актерски, «переиграть» драматическими, исполнявшими в них роли. Кто, кроме Николы (обаянием), был еще способен на это се-

срочные свои зрительские, а, возвращаясь ко времени о лекциях о нем или демонстрируемых по «проде» совсем другие сцены — оактера, где располагались я не на подмостках, а в бу-звращениями, но на уроки уже

Крюкова. Его лишь на расстоянии — Крюкова, невозможно без приглашения мог каждый. о любому «лишнему челове- только рад, что рассказывае- тельно «своим». Вернее, пра- тист привык считать не толь- », само собою, гипербола в кому предстоит увидеть еще

всякого истинного актера — аясь высокопарно, челове- ченным. Я — о готовности Крю- нтрактов. О том захватываю- он в себе всегда и для всех. бья каждый раз без остатка. ни тени усталости, которая сбега. И как не задуматься: ытенированных, закаливших бья — и Крюкова в Крюко- в хватит?

о Крюкова больше всего в — самое в нем для нас ин-

ей — что кричат...» Реплика я не претендовала. Это мы в нали на молодежь за страсть насевич на Катерину, внуку мне брошенное им вскользь нное к сути своей художни-

я собой, рассказывая, — и ни- шит ничего. Токи, исходящие азависимо: битком ли наби- ственный собеседник. Он и щийся слушатель. Громадное тельных анекдотов, остроум- таны из миллионов встреч и впечатлений проросли в нем шими в увиденном-услышан- сти черты.

Не в обиду сценаристам будет сказано, но творит он, отталки- ваясь от сценария, сочиняемого Зрителем. Зрителю он и возвращает (с лихвой, кто же спорит) у него же и взятое. В том-то и загадка крючковской неисчерпаемости, на- верное?

В отношения свои со Зрителем (сугубо личные) он никому не позволяет вмешаться. Он едва ли не у всех лучших советских ре- жиссеров снимался, но выше всего ставит тех, кто ему «не ме- шал...». Тврдит о своем неизменном послушании режиссерам: «нельзя обижать людей». Но озорство, постоянно генерируемое в нем, вырывается наружу — вспомнил комический случай, как пришлось однажды дать «пенделя» весьма титулованному поста- новщику: «мешал!».

Переноса сказанное Крюковым на бумагу буквально, прото- кольно, рискуешь очутиться в странном положении. Интонацион- ную окраску слов и фраз не перескажешь — и реакции свои не всегда передашь: не объяснишь потом коротко, что рассмешило или от чего внезапно загрустил, ему внимая.

Впечатление от встречи: ни минуты без игры, без спектакля, специально разыгрываемого для пришедших. Но игра актер-

ская — его жизнь. Жизнь и раскрывается в этой игре «на века» — в игре, где все неподдельно, все настоящим чувством обеспече- но.

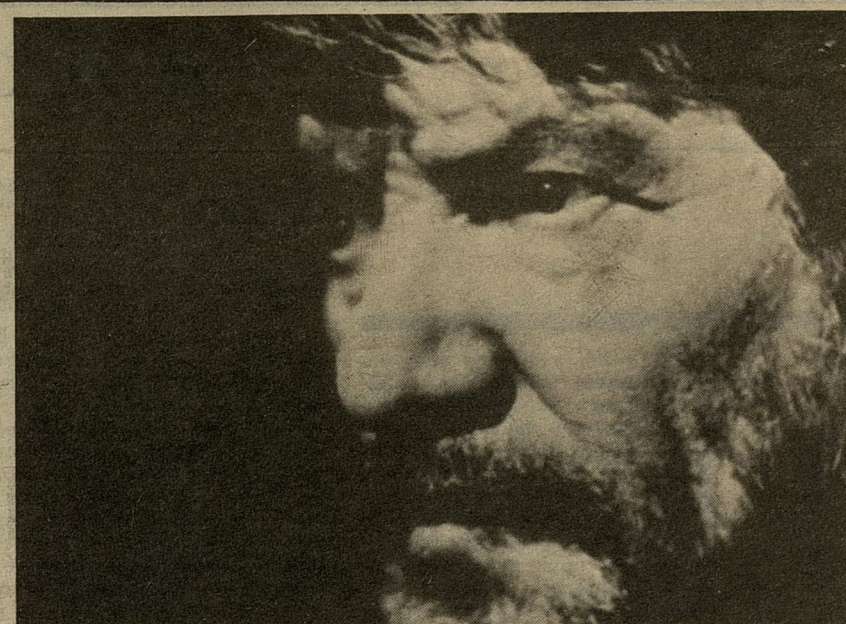
«...Сто восемь фильмов... А ничего не нажил. Но я не бедствую, ребята. Я двести пятьдесят рублей пенсии получаю. Все в норме, ребята...».

Он что же нас бедствиями своими разжалобить собирается? Да ничего подобного: он деликатно освобождает нас от мук созда- ния парадного, праздничного портрета, который ни ему, ни ко- му другому (он в том уверен) не нужен сейчас.

Он знает, что в этой жизни почему — и уж себе-то цену знает: не случайно же так уютно ему в буднях непроходящей славы.

Вроде бы печальная подробность, но вопрос: как ее подать, под каким соусом? На недавних съемках в лаптях пришлось стоять под дождем, а носков на смену не нашлось — беда, у Крюкова ноги больные, дважды ломал (тоже на съемках). Но милиционер у себя в машине печку включил — и обошлось, не разболелся Николай Афанасьевич. Штрих типичный. «Кинозвез- да» у нас на условия, пристойные для работы, рассчитывать, ко- нечно, зряд ли может. Но любовью повсеместно не обделена. А что в итоге — главнее?

У советской «звезды» кино все равно собственная гордость. В сорок пятом году на съемках «Небесного тихохода» под Ленин- градом пожаловала иноземная знаменитость — актриса Франче- ска Гааль. Чем было нам ее воображение поразить? Исполнитель

Театра киноактера оборванный пропойца с сизым носом и смятый рубль попытался ему всучить: иди побрейся, негоже тебе небри- тым ходить! Актер тогда впервые бороду отращивал, к одной из лучших ролей готовился — в фильме «Суд». В байке этой скрыт подтекст: широкий зритель не враз согласился на переход арти- ста из «героев» на характерные роли. Но у Крюкова и сейчас глаза заблестели при вопросе: желанен ли ему был переход в новое качество? При всей интимности отношений своих со Зрите- лем, на поводу у него Николай Афанасьевич никогда не шел — всегда за собой вел.

Злые блески промелькнули в нашем разговоре. «Кулаком», на- пример, и «завистником» обозвал Крюков очень видного в оте- чественном кинематографе человека. Он добр и доброжелате- лен, Крюков, но благодушия ветерана в нем нет. Доброта его обращена к людям достойным, а неразборчивости в отношени- ях он по-прежнему не терпит.

«Последний из могикан». Не хочу идеализировать отношений в актерской среде — не удивился бы, скажи мне, что когда-либо Крюков и ревновал кино и кинозрителя к Андрееву или Алей- никову. Но тоска его сегодняшняя по ушедшим партнерам по- казалась мне искренней и безудетной: их место в душе его ни- когда никем не будет занято, как и место друзей из ленинград- ской, как говорит он, «тройки»: Василия Васильевича Меркурьева и Василия Нещепленко, снимавшихся вместе с Николаем Афанась- вичем в «Небесном тихоходе».

«Ничего не сделаешь... ничего не сделаешь...» — повторил он

несколько раз как бы в забытьи. Но на вопрос наш: с чем? — от- ветил почти весело: — Со старостью!».

Мой товарищ — руководящий, между прочим, одной газетой товарищ, все дела отложивший, чтобы приехать к Николаю Афа- насьевичу и собственноручно отобрать фотографии для юбилей- ной публикации, — решил приободрить его, сказав: ну какой это возраст в восемьдесят. Моему отцу — восемьдесят два...

Крюков выдержал роскошную паузу и, как скрипку в футляр, уложил в нее реплику: «Так ведь это — отцу!».

На мой слух это и так еще произошло: уж дайте мне мою роль сыграть!

Да, и восемьдесят лет — только новая роль для Крюкова. И на следующий после юбилея день ему, несомненно, будет «интересно, что скажут...».

Александр НИЛИН.

роли летчика Булочкина Николай Крюков поднялся в воздух и приземлился на ПО-2, чтобы не слишком уж героиня «Петера» нос свой задирала.

Бросил наконец корреспонденту «кость» — сообщил, что снимается в фильме по произведению Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный». Прозвучало веско — открыва- лась тема экранизации классики. Но актер заговорил в Крюко- ве в полный голос, когда спросили его зачем было бороду отра- щивать, когда можно приклеить? Объяснял преимущества своей бороды перед наклеенной с таким азартом, что незаметно сквозь жесты и фразы персонаж из фильма стал прорезываться.

И тут же байка последовала, как остановил Крюкова возле

Николай КРЮЧКОВ:

«МНЕ ИНТЕРЕСНО, ЧТО СКАЖУТ...»

В ночь под Рождество по старому стилю 80 лет назад родился замечательный артист нашего кино Николай Афанасьевич Крючков. Ему было суждено стать звездой новой эпохи, любимцем нескольких поколений зрителей. Снимается он и сегодня, когда счет годов пошел на девятый десяток.

...Супруга Николая Афанасьевича вдруг забеспокоилась: а вы о чем собираетесь писать? В каком, извините, жанре? Это что будет — интервью?

Супруга народного артиста мгновенно просекла ситуацию растворения репортера в зрителе и своим вопросом как бы намекнула, что в подобном состоянии вряд ли сможешь даты уточнить и проверить факты. Но поздно было что-либо менять в образовавшемся вокруг Крюčkова поле общения — и речи быть теперь не могло о немедленном возвращении к своим прямым обязанностям: эйфория близости к нему захлестнула. И только вспомнить успел, как точно так же в давности детства случалось мне забывать в кино про все неприятности, в том числе и уроки невыученные.

Мысль о необходимости скорректировать потом свои впечатления для газеты я, насколько было возможно, отодвигал от себя — мною лишь одно эгоистическое желание владело: подольше не расплескивать ощущение неожиданно исчезнувшей заданности в разговоре с Крючковым. Не расплескивать и хоть какое-то время жить, согревая себя сознанием, что на такую непосредственность отклика, отзыва я еще, оказывается, способен.

И не в том, поверьте, виделась сложность, чтобы «упаковать» в газетный жанр отнятые у Крюčkова два часа в канун его восьмидесятилетия. В конце концов я и не убежден, что самый толстый том самого добросовестного жизнеописания Николая Крюčkова скажет нашему зрительскому сердцу непременно больше, чем сама фамилия его, вслух ли произнесенная, вспыхнувшая ли в титрах фильма — неважно: нового или полувековой давности.

Неужели кто-то всерьез ждет от меня, что в приуроченных к юбилею Николая Афанасьевича заметках найду неоприходованные эпитеты для него? Я их и не собираюсь искать, когда вижу недостижимую словом метафору в одном сухом перечне сделанного Крючковым в кино. И я не знаю уж, что правильнее: считать Николая Афанасьевича звездой, в чьей судьбе сомкнулись несоединимые вовсе в знаках и ориентирах признания времена, или в бесхитростном изумлении развести руками перед случаем, когда в одном лице, в сюжете одной актерской жизни органично соседствуют звезды как минимум трех эпох?

На мой взгляд, самым естественным комментарием к явлению Крюčkova могла бы стать автобиография его зрителя. Но заводка в том, что никто сегодня не решит: зрителю какого же поколения отдать предпочтение?

(Окончание на 8—9-й стр.).